

АЛЕКСАНДР ЖИТИНСКИЙ

СТРЕЛОЧНИК

8. Фантастические рассказы

Александр Житинский

**Седьмое измерение
(Фантастические
миниатюры – сборник)**

«Геликон Плюс»

1971-1975

Житинский А. Н.

Седьмое измерение (Фантастические миниатюры – сборник)
/ А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 1971-1975 — (8.
Фантастические рассказы)

В сборник вошли рассказы: • Мужик • Искушение • Храм • Проповедь • Двери • Агент • Блудный сын • Дом • Серьга • Состязание • Катастрофа • Фехтовальщики • Бочка Диогена • Таксист • Фига • Брошка • Волосок • Господь Бог • Певец • Испытатель • Интурист • Вундеркинд • Пират • Коллекционер • Лентяй • Кувыркком • Метро • Капуста • Очередь • Весна • Дворник • Девочка • Объявление • Поцелуй • Разговор • Рецепт • Путешествие • Счастье • Собака • Ожидание • Чемодан • Дерево • Ценности • Голос • Жена • Капли • Ладони • Макулатура • Семья • Телевизор • Фаталист • Трамвай • Невидимки • День песни • Очки • Мудрецы • Колокол • Истребитель лжи • Они и мы • Толпа • Дуэль • Зонтик • Хулиганы • Черт • Кроты • Голова • Конец света • Удочка • Микроб • Пешеход • Ординар • Цирковая лошадь • Стул • Гроссмейстер • Седьмое измерение

© Житинский А. Н., 1971-1975

© Геликон Плюс, 1971-1975

Содержание

Мужик	5
Искушение	6
Храм	7
Проповедь	8
Двери	9
Агент	10
Блудный сын	11
Дом	12
Серьга	13
Состязание	14
Катастрофа	15
Фехтовальщики	16
Бочка Диогена	17
Таксист	18
Фига	19
Брошка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Житинский

Седьмое измерение (сборник)

Мужик

Мужик лежал поперек дороги неподвижно. Одной ногой он упирался в дом, а другую откинул вдоль проспекта, как разведенный циркуль. Голова его была за линией железной дороги, а тело располагалось в сквере, примяв зелень.

Это было летом.

Мужик был очень большой, метров четырехста в длину, и небритый. Кроме того, в одних носках.

Движение остановилось. Трамваи выстроились в затылок, а люди пошли пешком. Обойти мужика было непросто.

К счастью, он лежал смирно.

Приехала милиция и начала мужика измерять. Тому стало щекотно от рулетки, которую протягивали вдоль ноги, и он проснулся.

– Где башмаки? – закричал мужик таким голосом, что милиция вся шарахнулась.

Башмаки нашли в Парголове и привезли на грузовике. Мужик успокоился, обулся и ушел.

Искушение

Я распахнул балконную дверь. Плотный, морозный воздух надвинулся на меня и окутал с головы до ног. Я хотел отступить назад, но заметил человека, пролетающего на уровне балкона, метрах в трех от меня, по воздуху в сторону парка. Лицо человека было сосредоточенным, а глаза слезились, видимо, от ветра. Одет он был не по сезону.

– Полетаем, – позвал он меня.

– Холодно, – сказал я и поежился, чтобы показать ему, что мне и вправду холодно.

– Оденьтесь, – сказал он. – Я подожду.

– Я не умею, – признался я. – Не умею летать.

– А вы пробовали? – спросил человек, делая плавный поворот влево. Он, по всей видимости, наслаждался полетом.

– Нет, не пробовал. Но мне кажется, что я не умею.

Человек покачал головой, и все тело его при этом также покачивалось.

– Мне не хочется вас убеждать, – сказал он. – Маршрут у меня сегодня легкий. Могли бы попробовать. Вы не представляете, как это хорошо!

– Представляю, – сказал я. – Это, наверное, полезно?

– Нет ничего более бесполезного! – заявил человек. Кажется, он рассердился и, чтобы успокоиться, сделал кувырок вперед.

– Ну так что? – спросил он.

Я колебался. Лететь в рубашке было действительно холодно, а в пальто попросту неприлично. Кто же летает в пальто?

– Значит, не хотите? – Человек сложил руки над головой и взмыл метров на десять выше. – Вы, право, чудак!

– Закрой балкон! – раздался из кухни голос жены. – Дует!

Я закрыл балкон и долго наблюдал за человеком, прижавшись лбом к стеклу. Человек летел медленно, с наклоном вперед, и ничто ему не мешало. Ноги были вытянуты в струнку, как у гимнаста, а руками он подруливал.

Должно быть, хороший человек.

Не знаю, нашел ли он попутчика. Стекло запотело, и я его больше не видел.

Храм

Внутри церковь была отделана кафелем, как туалет в гостинице «Астория». Ходил молодой поп без бороды, но при галстукe, помахивая кадильницей в виде бутылки коньяка.

Он подошел ко мне и спросил:

– Что будем брать, сын мой?

– Екклезиаст есть? – спросил я в свою очередь.

– Кончился, – равнодушно сказал поп. – Возьмите от Луки. Или деяния.

– Хорошо, пускай будут деяния.

Он ушел, а я стал разглядывать алтарь. В центре иконостаса помещался холодильник, который поминутно открывали страждущие и алчущие. Алчущих было больше. Праздничный чин был заполнен экранами телевизоров, где показывали футбол.

Мимо меня прошел крестный ход из четырех человек и уселся за соседний столик. Они запели псалмы, но другие верующие их не поддержали.

Попик принес мне деяния. Деяния были так себе. Видимо, вчерашние. Сбоку и наискосок от меня занял место капитан второго ранга, который сразу же начал молиться истово и со знанием дела.

– Христос воскрес? – спросил он меня в перерыве.

– Не знаю, – ответил я. – Судя по всему, еще нет.

– А мне говорили, воскрес, – доложил капитан, разделяваясь с притчами Соломоновыми.

В это время в храм вошел юноша, похожий на хиппи, с кнутом в руке. Ни с того ни с сего он стал браниться и щелкать кнутом. Потом он перевернул столик у входа, всем своим видом показывая, что очень недоволен. При этом он упоминал какого-то Отца и заявлял, что храм, дескать, принадлежит тому. Его, разумеется, связали и отправили в милицию.

Проповедь

«...Что же это делается, любезные вы мои? Дошли, как говорится, до ручки.

Вчера подходит ко мне один и спрашивает, в чем смысл жизни.

Нет, надо же такое придумать! Раньше вообще запрещалось жить, если этого не знаешь. А ему уже двадцать семь, не меньше. Где он учился? Просто стыдно делается за людей. У меня такое чувство, что приходится метать бисер перед свиньями. Единственное, что меня утешает: этим занимались и другие. Толку, правда, никакого.

Я хочу сказать, что они метали бисер.

Как нужно метать бисер? Изготовив самостоятельно или приобретя бисер, нужно встать на возвышение... Вы можете не слушать, у вас все равно бисера нет и не будет!

Можно и без возвышения.

Так вот. Жрем, спим, развратничаем, прости меня Бог, и все! Все! А между прочим, не за горами конец света. Ха-ха-ха! Очень смешно... Вот вы, в третьем ряду, выйдите вон! Почитайте букварь, потом возвращайтесь.

Честное слово, вся моя любовь к вам исчезла. Любовь к себе тоже не стоит ни гроша. Любите детей и животных, пока они есть. Я кончаю, не дергайте меня за мантию!..

Доктор, у которого я лечился, сказал, что мне повезло. Он ошибся, этот доктор. Мне следовало родиться на другой планете, слышите? Хотя я глубоко уверен, что там не менее мерзко.

Мойте хотя бы руки перед едой! Старайтесь не делать друг другу гадостей! Это трудно, я понимаю, но вы же люди!

Не дергайте меня за мантию!..»

Двери

Двери были как двери, но за ними все было не так. Там опять были двери. На расстоянии полуметра, створчатые, такие же, как и первые.

Я распахнул их, но там снова были двери и больше ничего. Никаких предметов или надписей на стене. Не было шкафа, стола и стульев. Я пошел дальше, но все повторилось сначала. Промежутки между дверями были узкие, там ничего не могло поместиться – ни кровати, ни телевизора. Двери открывались легко, и это вводило в заблуждение.

Главное – ни одного человека.

Это был сплошной слоеный пирог из дверей, поставленный к тому же вертикально. Я уже устал их открывать, но чувствовал, что это должно когда-нибудь кончиться.

Наконец я распахнул последние створки.

За ними вообще ничего не было. Ни дверей, ничего...

Агент

– Я агент по разоружению, – представился незнакомец и протянул визитную карточку. Там было напечатано: «Чесноков Б. Б. Агент по разоружению».

– Присаживайтесь, – сказал я. – Вы по какому вопросу?

– Я хочу зачитать приказы.

– Пожалуйста.

– «Мой приказ, – проговорил агент, и голос его стал металлическим. – Создать на Земле цветущий сад. Чесноков».

– Когда? – спросил я, занося приказ в календарь.

– В субботу.

– Так. Дальше.

– «Собрать всех детей в возрасте от одного года до четырнадцати из Африки, Азии, Японии, Индии и Китая для производства работ по разоружению».

– Повторите откуда.

– Из Эфиопии еще, – сказал Чесноков. – Но это как получится.

– Получится, – успокоил я его.

– Чесноков, – сказал Чесноков.

– Что – Чесноков?

– Это подпись.

– Ага. Продолжайте.

– Все, – сказал Чесноков.

– Чесноков, – сказал я.

– Это я, – сказал Чесноков.

– Где? – спросил я.

– Вот он я.

– Продолжайте. Чесноков...

– Агент по разоружению, – настойчиво повторил Чесноков.

– Кстати, разрешите представиться. Референт по демобилизации, – сказал я, пожимая ему руку.

– Коллега, – сказал агент.

– Я демобилизуюсь вчера утром. Вот мои документы. Только конфиденциально. Стратегически, – сказал я.

– Понятно, – прошептал Чесноков. – Я приступаю.

Теперь он там сидит референтом по демобилизации. А я теперь агент по разоружению.

Блудный сын

Пронесся слух, что на соседней улице живет пенсионер, который усыновляет всех желающих. Я пошел посмотреть.

Пенсионер сидел в штабе добровольной народной дружины. К нему была большая очередь на усыновление. Я сказал, что мне только посмотреть, и прошел внутрь.

Старик усыновлял очень быстро. Он никому не отказывал и не затевал лишних разговоров.

– Усыновляю, – сказал он, бегло взглянув на меня.

Очередь запротестовала, но мне уже оформляли документы. Собственно, было одно удостоверение блудного сына под соответствующим номером. Секретарша поставила печать, старик расписался, и я ушел, так и не поняв толком, хотел я усыновиться или нет.

Теперь хожу и думаю. Все-таки чей-то сын. Это приятно. Хотя, с другой стороны, блудный. Когда встречаю своих блудных братьев, становится необыкновенно радостно, что не я один попался на эту удочку.

Дом

Я проснулся от непонятного звука. Где-то внизу раздавалось прерывистое шуршание, будто резали капусту. Я выглянул в окно и увидел двух человек, которые пилили наш девятиэтажный дом у самого основания. Пила легонько звенела и поблескивала при свете фонаря.

– Эй! К чему это? – крикнул я.

– Не беспокойсь! – ответил один. – Спи! Неувязка с проектом. Поставили точечный, а должен быть протяженный.

– К утру все сделаем, – пообещал второй.

– Не беспокойся, – сказал я жене. – У них неувязка с проектом. К утру все будет хорошо.

И мы снова заснули под ритмичные звуки пилы. За ночь дом поставили как надо, и мы проснулись на стене. Я побежал к соседям выяснить, что они собираются делать. Соседи уже перенесли мебель на бывшую стенку и срочно оклеивали обоями бывший потолок.

– Нет! – сказал я жене, возвратясь. – Нужно бороться с обстоятельствами. Будем жить, как жили. Потом, кто его знает, вдруг поставят вверх ногами? Снова придется менять интерьер.

И мы продолжаем жить как жили, но теперь уже горизонтально.

К сожалению, выходя на улицу, приходится принимать вертикальное положение, чтобы удобнее было ездить в трамвае.

Серьга

Когда я встретил школьного приятеля, выяснилось, что я постарел. Я был все такой же, а он нет. На нем была дубленка, импортные меховые башмаки и янтарный перстень. Под мышкой он нес японские слаломные лыжи. Стоимостью в мою годовую зарплату.

В правом ухе у него болталась маленькая серьга. Мне это показалось излишним.

– Как жизнь? – спросил я, хотя и так все было ясно.

– Жизнь прекрасна и удивительна! А ты как? – сказал он и дотронулся до серьги.

– Одни неприятности! – сказал я и принялся перечислять неприятности. Он улыбался и кивал.

– Рад, что у тебя все в порядке, – сказал он, когда я кончил, и снова дотронулся до серьги. – Ну, я пошел. Бывай!

И он удалился, помахивая серьгой, похожей на кнопочный выключатель торшера.

Гораздо позже, просматривая какой-то зарубежный журнал, я узнал, что это и был выключатель. Он рекламировался как средство сохранения нервной системы.

Это был выключатель ушей.

Состязание

Началось все очень мило. Официант принес бутылку шампанского и поставил на столик: «Для вас и вашей дамы от товарищей с крайнего стола».

Я посмотрел туда. Товарищи с крайнего стола уже ожидали моей реакции. Они приподняли бокалы, одновременно кивая. Я тоже кивнул и послал им цветы.

Через пять минут официант принес коньяк. Товарищи с крайнего стола продолжали поднимать бокалы, улыбаясь очень дружелюбно.

Я послал им сборник стихов Пушкина. Они поняли это по-своему и прислали цветной телевизор, который передавал их улыбающиеся красные лица. Все вместе на экране они не помещались, поэтому приходилось переключаться.

Я послал им репродукцию Ван Гога берлинского издания. Они пришли в восторг, и тут же официант пригнал «Жигули» цвета морской волны и поставил в проходе.

– Для вас и для вашей дамы, – переводя дух, сказал он.

Я немного поднатужился и отправил им двадцать третью сонату Бетховена в исполнении Святослава Рихтера. Вышла небольшая заминка с роялем, но в общем администрация справилась.

Их фантазии хватило на трехкомнатную кооперативную квартиру. В ресторане стало трудно передвигаться. Но публика не возмущалась, увлеченная состязанием.

Тогда я послал им порталый кран. Официанты его еле приволокли. Кран был с крановщицей.

– Вира! – скомандовал я.

Крановщица подцепила их столик крючком и, раскачав, забросила в Кизи. Я так и не понял, кто выиграл, потому что оттуда они еще ничего не прислали.

Катастрофа

Высоко в небе летел самолет и по какой-то причине раскололся надвое. И пассажиры из него выпали.

До земли было далеко, и они опускались, как чайники на дно стакана. Можно было поговорить и кое-что вспомнить.

Погода была хорошая, безоблачная. Все материки и океаны лежали как на ладони.

– Посмотрите, – сказал один. – Это Крым. Я там отдыхал в прошлом году.

– В каком санатории? – спросил другой. Спросил просто так, от нечего делать.

– В санатории «Чайка».

– Там плохо кормят, – сказал тот. – На редкость.

– Ну, не скажите! – вмешалась женщина. Она была тяжелее других и опускалась быстрее.

Поэтому она торопилась высказаться: – Конечно, если кто привык к острым блюдам, тому плохо. А для язвенников стол в «Чайке» прекрасный. Творог, сметана, кефир...

И она полетела дальше.

– Удивительный народ эти женщины, – проворчал первый. – Не знают, а говорят. В «Чайке» действительно плохо кормят. И язвенники здесь ни при чем. Язвенники в «Прибое» лечатся.

– Красиво, – вздохнул второй, обозревая ландшафт. – Интересно, какая температура воды?

– Градусов двадцать пять, не меньше.

– Нет, должно быть, все-таки меньше.

– Может быть, – согласился первый.

Больше говорить было не о чем. Они полетели молча и упали где-то под Вологодой.

Фехтовальщики

На перекрестке двое фехтуют секундными стрелками от башенных часов. Они фехтуют тяжело, абсолютно неумело, и удовольствия явно не получают. Можно сказать, они фехтуют зря.

Дайте мне секундную стрелку! Я покажу, как изящно сделать выпад, как отвести удар, как жить мгновением.

Но мне дают часовую и предлагают резать ею колбасу. Часовая стрелка увесистая и тупая, а колбасы много. И вот сидишь и нарезаешь эти проклятые розовые кружки, жирные на ощупь.

А те двое уже устали. Они побросали свои стрелки, легкие и тонкие, как паутинки, и сидят, смотря с тоской на меня.

Колбасы им захотелось, что ли?

Бочка Диогена

В бочке Диогена было тесно. Это была коллективная бочка Диогена на пятьдесят человеко-мест. Диоген сам сидел за рулем и объявлял остановки по микрофону. Я и остальные философы мыслили и, следовательно, существовали. Правда, существовали так себе.

На одной из остановок в бочку попросился румяный философ лет двадцати пяти со спортивной сумкой в руках.

– Эй! Потеснитесь на одного человека! – крикнул он.

И все потеснились ровно на одного человека. Потеснились ровно на меня. Я оказался вдавленным внутрь соседнего философа и удивился, как там темно и пусто. Носились какие-то мысли, похожие на летучих мышей. Они были стремительны и ничего не задевали. Со скуки я закурил, дожидаясь конца маршрута.

– Курить запрещается! Покиньте салон! – заявил Диоген по радио моему философу, заметив, что у того из ушей идет дым.

Обиженный философ вышел из бочки, обещая при этом Диогену неприятности по службе. Бочка покатила дальше, а мы с философом куда-то пошли. Я осторожно постучал изнутри и попросил меня выпустить.

– Нет уж, теперь сиди! – воскликнул он, посмотрев внутрь себя ненавидящим взглядом.

Жаль мне его стало, но тут я заметил, что внутри меня тоже шевелится кто-то, маленький и неприятный. Как он туда попал?

Таксист

- Шпиль Адмиралтейства, – сказал я, садясь в такси.
- На самый верх? – спросил таксист.
- Да, желательно.
- Три рубля сверх счетчика, – подумав, сказал таксист.
- Много что-то. Я же не холодильник везу, – сказал я.
- Частник пятерку возьмет, – предупредил таксист.
- А они туда ездят?
- Вообще-то не ездят, – признался таксист. – Милиции боятся.
- Нету у меня трех рублей. Рубль у меня, – сказал я.
- А чего ж ты? Шпиль Адмиралтейства! Шпиль Адмиралтейства! – закричал таксист. – Да я туда никогда и не ездил, скидку тебе делаю.
- Не нужно мне скидки. Или честно поедem, или я выхожу.
- Черт с тобой! – зло сказал таксист. Он захлопнул дверцу, и мы поехали. На самый верх шпиля Адмиралтейства, к кораблику.

Фига

Я пришел с работы и обнаружил, что посреди комнаты прямо из паркетного пола выросла красивая фига, похожая на тюльпан. Она покачивалась на тонкой ножке, а большой палец, просунутый между указательным и средним, поворачивался за мною, как перископ.

Я попытался разжать пальцы, но они были стиснуты крепко. Тогда я срезал фигу под корешок и выбросил ее в мусоропровод. Проваливаясь в черную дыру, фига попыталась ухватиться за край, но не успела. Пальцы лишь скользнули по стенке, оставив пять бледных полос.

Однако на следующий день фига выросла опять. Снова пришлось ее выбрасывать, причем на этот раз пальцы ухватились за крышку мусоропровода и стоило большого труда их оторвать.

Так продолжалось месяц. Фига появлялась регулярно, как вечерняя газета. Борьба с нею становилось все тяжелее.

– Ну что тебе нужно от меня?! – крикнул я однажды в отчаянии, наклоняясь к ней.

Фига молча ухватила меня за нос двумя пальцами и потянула изо всей силы к полу. Из моих глаз полились слезы, а фига в это время, отпустив нос, дала мне здоровенного щелчка по лбу, распрямившись, как пружина.

Удовлетворенная, она позволила себя выбросить и больше не вырастала.

Брошка

Муж подарил жене к Новому году брошку. Он имел в виду, что она весело встретит праздник. На эту брошку ушли все сбережения.

– К такой брошке нужно хорошее платье, – сказала жена. – И туфли, – подумав, добавила она. – Иначе нет никакого смысла встречать Новый год.

И они отложили встречу на год, чтобы получше подготовиться. За это время удалось купить туфли и платье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.